Стратегические предпосылки для реализации КНДР ядерной программы

УДК 327

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90

*КНДР,
ядерное оружие,
безопасность,
ядерная программа,
стратегия,
ДНЯО,
денуклеаризация*

В статье исследованы стратегические предпосылки и условия для проведения КНДР программы по созданию ядерного оружия. Автор приводит краткий исторический обзор развития ядерной программы Северной Кореи и выделяет ряд факторов, обуславливающих выбор политического руководства страны в пользу разработки ЯО в наши дни. Автор отмечает, что, несмотря на заявления лидера КНДР Ким Ченгына о готовности отказаться от ЯО и МБР, сохранение минимального ядерного потенциала, безусловно, является национальным приоритетом Северной Кореи. Подобный курс диктуется обстановкой в регионе и в мире, однако КНДР готова идти на уступки и частично ограничить свой ядерный арсенал.

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда целевого капитала ДВФУ.

Введение

В наши дни ядерная проблема Корейского полуострова является одним из главных факторов нестабильности в Восточной Азии и основной проблемой региональной безопасности. Необходимо отметить исключительную сложность корейского ядерного кризиса, который не удаётся разрешить на протяжении нескольких десятилетий в силу несогласия разных сторон относительно правомерности развития ядерных технологий и создания ядерного оружия Северной Кореей. Конфликтность ситуации предполагает наличие разных точек зрения по этой проблеме, и в связи с тем, что феномен ядерной программы КНДР является значимым и даже определяющим для регионального комплекса безопасности, будет крайне актуально понять, какие обоснования политики по стимулированию ядерной программы имеет Пхеньян и как видит ситуацию само руководство КНДР.

Так, некоторые исследователи, пытаясь воссоздать позицию Пхеньяна, приходят к выводу, что КНДР проводит ядерную программу в оборонительных целях, и руководство государства уверено, что ядерное оружие является гарантией национальной безопасности. Исторически выбор Пхеньяна в пользу развития ядерной программы был обусловлен рядом причин, которые не теряют значение для политического курса КНДР и сегодня. Во-первых, пример атомной бомбардировки Японии в августе 1945 г. убедительно продемонстрировал роль и эффективность применения ядерного оружия в войне. Во-вторых, опыт Корейской войны 1950–1953 гг. и угроза атомных бомбардировок северокорейских баз подкрепили уверенность лидера КНДР Ким Ирсена в необходимости иметь

Для цитирования:

Волощак В. И. Стратегические предпосылки для реализации КНДР ядерной программы // Известия Восточного института. 2019. № 4. С. 80–90. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90

надёжное средство сдерживания. В-третьих, в послевоенный период США удалось создать прочную систему военных союзов в АТР, заключив альянсы с главными соперниками КНДР – Республикой Корея и Японией. Поскольку Северной Корее не удалось наладить столь же прочные связи с КНР и СССР, эта ситуация вынудила искать асимметричный ответ и укреплять безопасность собственными силами, т. е. путём разработки ядерного оружия [10, с. 135–137]. Можно и сегодня с уверенностью сказать, что основной причиной развития ядерной программы служит интерес Северной Кореи к эффективному обеспечению национальной безопасности собственными силами.

Становление ядерной программы КНДР в 1950–1960-х гг.

Начало развития ядерной программы КНДР традиционно связывается с периодом начала 1950-х гг., и отправной точкой этого процесса можно назвать открытие в Пхеньяне Академии наук КНДР в декабре 1952 г., в состав которой вошёл и научно-исследовательский институт атомной энергии. На этом этапе у Северной Кореи не было иных альтернатив, кроме как наладить сотрудничество с СССР: в 1955 г. делегация Академии наук КНДР посетила конференцию по атомной энергии в Москве, а в 1956 г. между Пхеньяном и Москвой было подписано соглашение о научных обменах, и вскоре специалисты из КНДР (а также КНР и ряда других государств социалистического блока) стали приезжать на стажировки в Объединенный институт ядерных исследований в г. Дубна [11].

Несмотря на то, что СССР не собирался легко делиться своими ядерными разработками, решение США разместить на территории Южной Кореи в 1958–1960-х гг. ракетные комплексы, оснащённые ядерным оружием, обусловило необходимость симметричного ответа со стороны Москвы. Было принято решение стимулировать развитие северокорейской ядерной программы, для чего в 1959 г. при поддержке СССР в уезде Йонбён, пров. Сев. Пхёнан началось строительство ядерного научно-исследовательского комплекса под кодовым названием «Мебельная фабрика». Именно в это время начали ухудшаться советско-китайские отношения, и руководством КНДР была предпринята попытка наладить новый канал сотрудничества с КНР, к тому времени также запустившей собственную ядерную программу. Так, в 1959 г. было подписано соглашение о сотрудничестве в области ядерных исследований между Китаем и Северной Кореей.

В первой половине 1960-х гг. было завершено строительство ядерного центра в Йонбёне, а в 1965 г. СССР осуществила поставку исследовательского реактора ИРТ-2000, который был введён в эксплуатацию в 1967 г. и использовался для производства изотопов и обучения. СССР также поставлял ядерное топливо, оборудование для радиохимической лаборатории и критсборку мощностью 100 Вт [4, с. 128]. Лаборатория включала в себя 7 горячих камер и 9 перчаточных боксов для работы с высокоактивными веществами. По заявлению КНДР, сделанном во время инспекций МАГАТЭ в 1990-х гг., ещё в 1975 г. в лаборатории было произведено 300 мг плутония из облучённых топливных элементов реактора ИРТ-2000 [5, с. 131].

¹ Режим гарантий МАГАТЭ – комплекс мероприятий, подтверждающих, что ядерный материал, находящийся во владении данного государства, не используется для создания ядерного оружия [14].

1970–1980-е гг.: сокращение сотрудничества с КНР и СССР

В конце 1960-х гг. объём внешней поддержки развития ядерной программы КНДР начинает значительно сокращаться, однако приобретённые к тому времени технологии и материально-техническая база позволяли северокорейским учёным продолжать разработки самостоятельно. В конце 1960-х – 1970-х гг. Северная Корея смогла увеличить мощность реактора ИРТ-2000 и приобрести у СССР технологии переработки плутония. Производительность реактора удалось повысить без консультаций с СССР сначала до 4 МВт, а затем в 1980-х гг. – до 8 МВт [1, с. 71]. Помимо этого, Пхеньян испытывал значительный интерес к развитию атомной энергетики, что, по всей видимости, связано повышением СССР экспортных цен на нефть для своих партнёров [6, р. 135].

В 1977 г. КНДР, СССР и МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии) подписали трехстороннее соглашение о гарантиях, по условиям которого КНДР получала ядерное топливо от СССР и исследовательский реактор под гарантии МАГАТЭ¹ []. В этот период Северная Корея начинает получать все меньше поддержки со стороны КНР и СССР и развивает собственную научную базу для развития ядерной программы. В 1970-е гг. все учреждения, связанные с ядерной промышленностью, были объединены в исследовательский центр в г. Пхёнсан, использовавший оборудование из разных стран мира.

В начале 1980-х гг. Северная Корея осуществила качественный рывок в развитии ядерных технологий, сумев собственными силами освоить технологии переработки урана, построить завод по производству тепловыделяющих элементов и реактор мощностью 5 МВт, а также учредить ряд исследовательских организаций. В Йонбёне начинается строительство 50-мегаваттного реактора, а корейские ядерщики проводят серию испытательных взрывов, предположительно, в рамках подготовительной работы по созданию ядерной бомбы. Кроме того, в это время строились завод по рафинированию урановой руды в Пхёнсане и 200-мегаваттный реактор в Тэчхоне, предназначенный для развития атомной энергетики [4, с. 129].

В 1985 г. КНДР под давлением СССР подписывает Договор о нераспространении ядерного оружия, формально закрепившись в статусе неядерной державы. Вступление в Договор практически являлось частью сделки Пхеньяна и Москвы: в ответ на согласие Северной Кореи присоединиться к режиму нераспространения СССР обязался принять участие в строительстве четырех легководных реакторов. СССР согласился поставить в кредит необходимое оборудование, предоставить помощь своих инженеров в проектировке планируемых к постройке объектов и провести обучение северокорейских специалистов [1, с. 105]. Несколько позже были получены технологии для постройки легководного реактора, и примерно в этот период в КНДР разрабатываются собственные газо-графитовые реакторы, конструктивно сходные с реакторами 1950-х гг. британской атомной электростанции «Колдер Холл». Таким образом, создание собственных реакторов данного типа стало возможным благодаря присоединению КНДР к ДНЯО, т. к. документация по ним находилась в открытом доступе для участников МАГАТЭ.

1990–2000-е гг.: переговоры с РК и США и шестисторонний формат

В 1991 г. президент США Дж. Буш-старший объявил о том, что из Южной Кореи будет выведено американское ядерное оружие, размещённое там на рубеже 1950–1960-х гг. 18 декабря 1991 г. факт вывода ЯО был подтверждён президентом РК Ро Дэу, после чего в 1992 г. КНДР и РК подписали Совместную декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, в которой были зафиксированы намерения двух государств воздерживаться от производства, испытаний, приобретения и хранения ядерного оружия [9]. Этот документ имел декларативный характер и не вводил жёстких ограничений, однако в контексте того, что в предыдущие десятилетия Республика Корея активно развивала свою ядерную программу (в том числе, ещё в 1980-х гг. проводила опыты с обогащением урана [1, с. 126]), заключение Совместной декларации ставило важный акцент на то, что денуклеаризация полуострова – обоюдный процесс, не сводящийся лишь к действиям КНДР.

30 января 1992 г. КНДР подписала ещё одно соглашение о гарантиях с МАГАТЭ. Условием гарантий стало предоставление Агентству данных о существующей ядерной инфраструктуре и ресурсах, а также допуск инспекторов МАГАТЭ на северокорейские ядерные объекты. С мая 1992 г. по февраль 1993 г. было проведено 6 инспекций, по результатам которых эксперты Агентства установили несоответствия и с санкции Совета Безопасности ООН затребовали проведения особой инспекции с доступом на два непроверенных ранее объекта. КНДР отказалась предоставлять доступ, объявив эти объекты военными, и запустила процедуру выхода из ДНЯО. Последовавшие переговоры между Пхеньяном и Вашингтоном не привели к разрешению ситуации: северокорейская сторона не открыла объекты для проведения экспертизы, однако согласилась приостановить свой выход из ДНЯО [11].

Во время переговоров КНДР не останавливала работу 5-мегаваттного реактора в Йонбёне, и в мае 1994 г. северокорейские ядерщики начали извлекать отработанные топливные стержни без надзора со стороны МАГАТЭ, что только усугубило напряжённость вокруг ядерной проблемы, поскольку внешний контроль реальных результатов переработки плутония таким образом существенно затруднялся. За этим последовал очередной раунд переговоров Пхеньяна и Вашингтона, в работе которого в качестве представителя США выступил бывший президент Дж. Картер. Результатом обсуждения стало заключение Рамочного соглашения в октябре 1994 г., по его условиям международный консорциум во главе с США обязывался построить два легководных реактора в КНДР и поставлять ежегодно 500 тонн мазута до 2003 г. (предполагаемая дата введения первого из реакторов в эксплуатацию) в ответ на согласие Северной Кореи оставаться участником ДНЯО, приостановить работу газо-графитовых реакторов и предоставить МАГАТЭ право на контроль за соблюдением заморозки работы этих объектов. Кроме этого, Рамочное соглашение предусматривало предоставление гарантий, исключающих угрозу применения ядерного оружия со стороны США [3].

Несмотря на то, что Рамочное соглашение помогло затормозить развитие ядерной программы КНДР практически на десятилетие, ни одна из сторон не была удовлетворена реализацией договорённостей: постоянно откладывались как сроки постройки реакторов, так и открытие объектов для инспекций МАГАТЭ. В 2001 г. администрация Дж. Буша-младшего начала пересмотр политики в отношении Северной Кореи, в соответствии с которым предполагалось принуждение КНДР к соблюдению условий Рамочного соглашения и предоставление проверяемых данных о ядерной программе. В 2002 г. разведка США получила данные о том, что КНДР приобрела у Пакистана технологию газовых центрифуг и незаконно разрабатывает программу по созданию высокообогащенного урана. Примерно в это же время в КНДР начинает работу завод по обогащению урана в Кансоне, недалеко от Пхеньяна.

Ответом США стало прекращение поставок мазута в декабре 2002 г. КНДР со своей стороны объявила об отмене приостановки работы своих ядерных объектов, отстранении специалистов МАГАТЭ от мониторинга их деятельности, а 10 января 2003 г. было заявлено о выходе Северной Кореи из ДНЯО. Вскоре после этого возобновила работу радиохимическая лаборатория в Йонбёне, и это означало, что КНДР приступила к переработке 8 тыс. отработанных топливных стержней. В сентябре 2003 г. эту информацию подтвердил МИД КНДР, сообщивший о завершении переработки стержней. Такая работа позволила Северной Корее получить количество плутония, достаточное для создания 4–6 ядерных зарядов.

В апреле 2003 г. для решения накопившихся проблем в Пекине созывается трёхсторонний диалог (с участием представителей США, КНР и КНДР), позже расширившийся до шестистороннего формата (с включением Японии, России и Республики Корея). С 2003 по 2007 г. состоялось шесть раундов переговоров, работа которых шла трудно и практически не привела к результату. Единственным конструктивным решением, принятым в рамках переговорного процесса, стало заключение Совместного заявления о принципах денуклеаризации 19 сентября 2005 г., которое подтверждало гарантии безопасности со стороны США и отсутствие ядерного оружия на территории РК. Северокорейская сторона обязывалась вернуться в ДНЯО и под контроль МАГАТЭ, соблюдать условия Совместной декларации о денуклеаризации 1992 г. Практически сразу же возникли разногласия насчёт условий Совместного заявления: Северная Корея считала, что из текста документа следовало разрешение на поставку легководных реакторов в страну, в то время как США не были согласны с таким прочтением и отказались сотрудничать по этому вопросу до тех пор, пока КНДР окончательно не свернёт свою ядерную программу.

Ситуация вновь обострилась после проведения КНДР первого в её истории ядерного испытания мощностью менее 1 килотонны 9 октября 2006 г. Сразу после этого Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1718, вводившую против КНДР санкции: запрет на поставку в страну вооружений, предметов роскоши и любых технологий и материалов, которые могут быть использованы в рамках ракетно-ядерной программы Пхеньяна [13]. Однако переговоры в шестистороннем формате продолжались, и в феврале 2007 г. сторонам удалось подписать Соглашение о первоначальных действиях по реализации

Совместного заявления 2005 г., в котором в качестве условий возвращения КНДР в ДНЯО и под эгиду МАГАТЭ были зафиксированы предложения о введении пакета инициатив, включавших оказание помощи в области энергетики.

КНДР согласилась предоставить доступ для инспекций МАГАТЭ, а также закрыть и опечатать несколько ядерных объектов в Йонбёне. Несколько позже был принят Второй план действий, в котором конкретизировались сроки заморозки работы основных предприятий северокорейской ядерной промышленности и подачи декларации с указанием всех работ и объектов ядерной программы. Декларация должна была быть предоставлена к 31 декабря 2007 г., однако КНДР опоздала с её подачей на полгода. Текст декларации не содержал серьёзных несоответствий с имеющимися данными, и США частично сняли ранее введённые санкции, после чего была снесена охлаждающая башня 5-мегаватного реактора в Йонбёне [11].

В рамках последующих переговоров США убрали КНДР из списка государств-спонсоров терроризма, а также было согласовано дальнейшее закрытие ядерных объектов и утверждение плана верификации демонтажа ядерной программы. Однако последнего добиться не удалось, и шестисторонние переговоры были приостановлены, а в 2009 г. наступил очередной период напряжённости, когда КНДР произвела несколько ракетных пусков, а затем и второе ядерное испытание мощностью около 4 килотонн. Ответом на него стало принятие резолюции СБ ООН 1874, вводившей расширенное эмбарго на торговлю оружием и технологиями, вслед за чем КНДР объявила о намерении продолжить работы по обогащению урана.

Интенсификация ракетно-ядерной программы в 2011–2017 гг. и дальнейшие переговоры о денуклеаризации

Конфронтация между РК и КНДР в 2010–2011 гг., связанная с артобстрелом о. Йонпхёндо и гибелью южнокорейского корвета «Чхонан», привела лишь к дальнейшему росту напряжённости на полуострове. В дополнение к этому КНДР объявила о начале строительства экспериментального легководного реактора мощностью 25–30 МВт. По свидетельству американского учёного-ядерщика З. Хэкера, к тому времени Северная Корея уже имела рабочий завод по обогащению урана в Йонбёне с 2 тыс. центрифуг Р-2, объединённых в 6 каскадов [8].

КНДР тем не менее проявила заинтересованность в продолжении переговоров, заявив о намерении ограничить свою программу по обогащению урана. В 2011–2012 гг. состоялось несколько встреч представителей КНДР и США, результатом которых стало принятие Соглашения 29 февраля 2012 г., вводившего мораторий на ядерные и ракетные испытания, а также работы по обогащению урана в обмен на продовольственную помощь. Однако США вышли из сделки после неудачной попытки КНДР вывести на орбиту спутник на ракете-носителе «Ынха-2» 12 апреля 2012 г., что было расценено как нарушение условий Соглашения. Последующий удачный запуск ракеты 12 декабря 2012 г. стал причиной принятия резолюции СБ ООН 2087, вновь подтверждающей действующий санкционный режим.

12 февраля 2013 г. проводится третье ядерное испытание, а несколько месяцев спустя КНДР объявляет о повторном запуске 5-ме-

гаваттного графитового реактора и завода по обогащению урана в Йонбёне. В течение последующих лет спутниковая съёмка фиксировала активность на реакторе и других объектах, что согласовывалось с заявлениями КНДР о намерении провести ядерное испытание «нового типа». К декабрю 2015 г., по сообщению «Нодон Синмун», у КНДР уже имелись все необходимые ресурсы и технологическая база для создания термоядерного оружия. 6 января 2016 г. на полигоне Пхунгёри, по сообщению северокорейской стороны, состоялось испытание водородной бомбы, однако информация Геологической службы США показывает, что магнитуда землетрясения, вызванная взрывом 2016 г., примерно соответствовала данным о сейсмической активности после испытания 2013 г., следовательно, в обоих случаях правомерно говорить об испытании оружия, созданного на основе делящегося вещества. Впоследствии СМИ КНДР опубликовали информацию о завершении работ по миниатюризации ядерного оружия и начале переработки отработанных стержней с целью производства плутония. 9 сентября 2016 г. состоялось пятое ядерное испытание мощностью около 10-30 килотонн. Северная Корея объявила, что отныне имеет возможность создать достаточно малый ядерный заряд для установки в боевую часть баллистической ракеты. Вслед за этим 30 ноября СБ ООН принял резолюцию 2321, предусматривавшую расширение существующих санкционных мер.

В 2017 г. был осуществлен значительный прорыв в ракетно-ядерной программе КНДР. В течение года состоялось несколько успешных ракетных пусков, в ходе которых были испытаны, в том числе и межконтинентальные баллистические ракеты. 3 сентября на полигоне Пхунгёри было проведено шестое ядерное испытание мощностью от 140 до 250 килотонн по разным оценкам, что больше совокупной мощности всех предыдущих испытаний. Северокорейская сторона утверждает, что 3 сентября было испытано термоядерное оружие, а СМИ КНДР накануне опубликовали фотографию разработанного устройства, внешне похожего на водородную бомбу по схеме Теллера-Улама.

В последующие месяцы ситуация на полуострове резко изменилась: от конфронтации стороны вновь вернулись к дипломатическому диалогу, в большой степени благодаря смене позиции КНДР и роли председателя Госсовета КНДР Ким Ченына, провозгласившего курс на денуклеаризацию. В течение 2018–2019 гг. было проведено несколько межкорейских саммитов, а также встреч между Ким Ченыном и президентом США Д. Трампом, результатом которых стало подписание ряда документов, закрепивших принцип безъядерного режима Корейского полуострова в качестве основы внешней политики Северной Кореи. КНДР ввела односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний и испытаний МБР и согласилась ликвидировать полигон Пхунгёри, уничтожив его подземные туннели и постройки. К числу подлежащих закрытию объектов относится и исследовательский комплекс в Йонбёне, однако последние данные свидетельствуют о том, что активность на этом объекте продолжается, в том числе и работы по углублению дна реки Курён, которые теоретически могут обеспечить больший приток жидкости в охлаждающие системы реактора [12]. Кроме этого, исследователи выражают сомнения в том, что закрытие центра в Йонбёне будет иметь значительное

влияние на ядерную программу, поскольку в стране, вероятно, имеются и иные места производства материалов, необходимых для создания термоядерного оружия, а обогащение урана для ядерного оружия практически наверняка возможно проводить вне Йонбёнского комплекса [15].

Заключение

Несмотря на то, что обстоятельства, изначально побудившие КНДР выбрать путь разработки ядерного оружия, актуальны и сегодня, современная стратегическая ситуация диктует Пхеньяну новые условия, в которых курс на развитие ядерной программы является даже более обоснованным, чем несколько десятилетий назад. На данный момент Северная Корея имеет ряд стратегических предпосылок для реализации ядерной программы, в числе которых можно отметить следующие:

1. Наличие научно-технологической базы и необходимого запаса материалов. КНДР имеет богатые запасы природного урана и не зависит от внешних поставок расщепляющихся материалов [2, с. 91]. В стране функционирует ряд исследовательских организаций и реакторов, производящих обогащённый уран и плутоний, и, по всей видимости, эту работу можно будет продолжать даже после закрытия Йонбёнского комплекса. Существуют данные о наличии у Пхеньяна от 20 до 40 кг плутония, достаточного для создания 4–8 зарядов, а также 200–450 кг обогащённого урана, достаточного для 12–17 зарядов [7, р. 40]. Некоторые эксперты полагают, что Северная Корея уже освоила технологию термоядерного синтеза и готова производить термоядерные заряды [7, р. 41], а представители КНДР заявляют, что 3 сентября 2017 г. была испытана именно водородная бомба.

2. Изменение общемировой геополитической ситуации. Изменения в мире в 1990–2000-х гг. затронули и Северную Корею, поставив страну в ещё более изолированное положение. Если сотрудничество в области атомной энергетики между СССР и КНДР сократилось уже к концу 1960-х гг., то с развалом Советского Союза между двумя государствами были разорваны практически все экономические связи. Причисление президентом США Дж. Бушем КНДР к числу государств-спонсоров терроризма в 2002 г. лишь усилило уверенность Пхеньяна в необходимости владеть надёжным средством сдерживания угроз. Кроме того, опыт свержения государственных режимов США и их союзниками преподнёс важный урок руководству КНДР: в первую очередь, пример свержения режима М. Каддафи в Ливии в ходе гражданской войны 2010–2011 гг., которое произошло менее чем через 10 лет после отказа Каддафи от обладания ядерным оружием. Немалую роль сыграло и изменение политического курса Республики Корея в период консервативных администраций Ли Мёнбака и Пак Кынхе в 2008–2017 гг., когда состоялся отход от политики «солнечного тепла» и межкорейский диалог и шестисторонние переговоры были остановлены.

3. Изменение стратегии и идеологического курса КНДР. Исторически КНДР придерживалась курса «опоры на собственные силы» («чучхе»), изначально не имея тесных партнерских связей ни с одним из государств: отношения Северной Кореи с КНР и СССР были достаточно сложны и скорее напоминали лавирование между двумя

силами. В 1990-е гг., в сложной обстановке внешнеполитической изоляции и тяжёлых экономических условиях чучхе дополняется идеологическим курсом «сонгун», провозгласившим приоритет армии и флота в политико-экономической жизни государства. Разработка ядерного оружия как нельзя лучше укладывалась в идею приоритетного развития вооружённых сил, поскольку обладание даже небольшим ядерным арсеналом для КНДР является более эффективной и дешёвой альтернативой строительству современных боеспособных ВС. Ядерная программа осталась важным приоритетом государственной политики и при Ким Ченыне, наметившем курс «пхёнчжин», согласно которому экономическое развитие страны должно происходить параллельно с развитием ядерных возможностей. Очевидно, что ставка на ядерное оружие не теряет своей актуальности и остаётся ядром внешнеполитического курса Пхеньяна и сегодня, предоставляя политическому руководству страны надёжное средство сдерживания.

Несмотря на то, что полная денуклеаризация и ликвидация всего ракетно-ядерного потенциала вряд ли входит в интересы Северной Кореи, нельзя не отметить, что в настоящее время Пхеньян готов идти на уступки и не нарушает условия моратория: текущая заморозка ядерной программы является важным аргументом в дипломатическом диалоге, результатом которого в будущем может стать значительное укрепление безопасности в регионе и в мире.

Литература

1. Дьячков И. В. «Немирный атом» Северо-Восточной Азии: корейский узел – М.: МГИМО-Университет, 2016. 239 с.
2. Дьячков И. В. Ракетно-ядерные возможности КНДР сегодня // Восточная Азия в меняющемся мире: Доклады, представленные на VI международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 29–30 ноября 2018 года). – М.: ИДВ РАН, 2019. С. 91–100.
3. Ковш А. В. Рамочное соглашение 1994 года между Соединенными Штатами Америки и Корейской Народно-Демократической Республикой и его влияние на ядерную программу КНДР // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. № 93. С. 71–74.
4. Толорая Г. Д. Северокорейская ракетно-ядерная проблема: история, современность, опции // У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века. – М.: Дашков и Ко, 2019. С. 119–155.
5. Юдин Ю. А. Технические аспекты ядерной программы КНДР // Ядерный контроль. 2006. Т. 12. № 1 (79). С. 129–141.
6. Clemens W. C., Jr. North Korea's Quest for Nuclear Weapons: New Historical Evidence // Journal of East Asian Studies. 2010. № 10. Pp. 127–154.
7. Dyachkov I. Russian Assessments of North Korea's Conventional and WMD Capabilities / I. Dyachkov, A. Lukin, A. Gubin // Nuclear Weapons And Russian-North Korean Relations. – Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2017. Pp. 30–48.
8. Hecker S. S. A Return Trip to North Korea's Yongbyon Nuclear Complex [Электронный документ] // Center for International Security and Cooperation at Stanford University. URL <https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/HeckerYongbyon.pdf> (Дата обращения: 23.08.2019).
9. Joint Declaration of the Denuclearization of the Korean Peninsula [Электронный документ] // U.S. Department of State. URL <https://2001-2009.state.gov/t/ac/rls/or/2004/31011.htm> (Дата обращения: 22.08.2019).
10. Kovsh A. Initial Stage of North Korea's

Nuclear Program Development // Перепбурский исторический журнал. 2014. № 3. С. 134–145.

11. North Korea: Nuclear [Электронный документ] // Nuclear Threat Initiative. URL <https://www.nti.org/learn/countries/north-korea/nuclear/> (Дата обращения: 24.08.2019).

12. Pabian F. V. North Korea's Yongbyon Nuclear Center: Minimal Activity Observed / F. V. Pabian, J. Liu, J. Town [Электронный документ] // 38 North. URL <https://www.38north.org/2019/08/yongbyon080219/> (Дата обращения: 23.08.2019).

13. Resolution 1718 (2006), Adopted by the Security Council at its 5551st Meeting, on 14 October 2006 [Электронный документ] // United Nations Security Council. URL [https://undocs.org/S/RES/1718\(2006\)](https://undocs.org/S/RES/1718(2006)) (Дата обращения: 21.08.2019)

14. Safeguards Agreements [Электронный документ] // International Atomic Energy Agency. URL <https://www.iaea.org/>

topics/safeguards-agreements (Дата обращения: 21.08.2019).

15. Samore G. How Significant is the Dismantlement of Yongbyon? [Электронный документ] // 38 North. URL <https://www.38north.org/2019/03/gsamore031119/> (Дата обращения: 23.08.2019).

16. State of the Union Address: George W. Bush (January 29, 2002) [Электронный документ] // Infoplease. URL <https://www.infoplease.com/homework-help/us-documents/state-union-address-george-w-bush-january-29-2002> (Дата обращения: 31.08.2019).

17. The Text of the Agreement of 20 July 1977 between the Agency and the Democratic People's Republic of Korea for the Application of Safeguards in Respect of a Research Reactor Facility [Электронный документ] // International Atomic Energy Agency. URL <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infcircs/1977/infirc252.pdf> (Дата обращения: 22.08.2019).

Valentin I. VOLOSHCHAK

Teaching assistant, Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University; postgraduate student, School of Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

E-mail: vvoloshchak@gmail.com

Strategic Prerequisites for the Development of North Korea's Nuclear Weapons Program

UDC 327

doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90)

The article explores strategic prerequisites and preconditions for the development of DPRK's nuclear weapons program. The author provides a brief historical overview of North Korean nuclear program and formulates a number of factors that have influenced the North Korean elite's decision to pursue nuclear weapons development. Although DPRK's leader Kim Jong-un has stated that Pyongyang is ready to give up its nuclear weapons and ICBMs, the author argues that the retention of minimal nuclear capabilities is undoubtedly a national priority for the DPRK. Such political commitment is largely motivated by global and regional political context, however, the DPRK is ready to make compromises and partially limit its nuclear arsenal.

*DPRK,
nuclear weapons,
security,
nuclear program,
strategy,
NPT,
denuclearization*

The research was made under the financial support of the Far Eastern Federal University's Endowment Capital Foundation.

For citation: Voloshchak V. I. Strategic prerequisites for the development of North Korea's nuclear weapons program // Oriental Institute Journal. 2019. № 4. P. 80–90. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/80-90)

References

1. D'yachkov I. V. «Nemirnyj atom» Severo-Vostochnoj Azii: korejskij uzel – M.: MGIMO-Universitet, 2016. 239 s.
2. D'yachkov I. V. Raketno-yadernye vozmozhnosti KNDR segodnya // Vostochnaya Aziya v menyayushhemsya mire: Doklady, predstavlenyye na VI mezhdunarodnoj konferentsii molodykh vostokovedov v Institute Dal'nego Vostoka RAN (Moskva, 29–30 noyabrya 2018 goda). – M.: IDV RAN, 2019. С. 91–100.
3. Kovsh A. V. Ramochnoe soglasenie 1994 goda mezhdru Soedinennymi SHtatami Ameriki i Korejskoj Narodno-Demokraticeskoy Respublikoj i ego vliyanie na yadernuyu programmu KNDR // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. – 2009. № 93. S. 71–74.
4. Toloraya G. D. Severokorejskaya raketno-yadernaya problema: istoriya, sovremennost', optsii // U vostochnogo poroga Rossii. EHskizy korejskoj politiki nachala XXI veka. – M.: Dashkov i Ko, 2019. С. 119–155.
5. YUdin YU. A. Tekhnicheskie aspekty yadernoj programmy KNDR // Yadernyj kontrol'. 2006. T. 12. № 1 (79). S. 129–141.
6. Clemens W. C., Jr. North Korea's Quest for Nuclear Weapons: New Historical Evidence // Journal of East Asian Studies. 2010. № 10. Pp. 127–154.
7. Dyachkov I. Russian Assessments of North Korea's Conventional and WMD Capabilities / I. Dyachkov, A. Lukin, A. Gubin // Nuclear Weapons And Russian-North Korean Relations. – Philadelphia: Foreign Policy Research Institute, 2017. Pp. 30–48.
8. Hecker S. S. A Return Trip to North Korea's Yongbyon Nuclear Complex [EHlektronnyj dokument] // Center for International Security and Cooperation at Stanford University. URL <https://fsi-live.s3.us-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/HeckerYongbyon.pdf> (Data obrashheniya: 23.08.2019).
9. Joint Declaration of the Denuclearization of the Korean Peninsula [EHlektronnyj dokument] // U.S. Department of State. URL <https://2001-2009.state.gov/t/ac/rls/or/2004/31011.htm> (Data obrashheniya: 22.08.2019).
10. Kovsh A. Initial Stage of North Korea's Nuclear Program Development // Peterburgskij istoricheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 134–145.
11. North Korea: Nuclear [EHlektronnyj dokument] // Nuclear Threat Initiative. URL <https://www.nti.org/learn/countries/north-korea/nuclear/> (Data obrashheniya: 24.08.2019).
12. Pabian F. V. North Korea's Yongbyon Nuclear Center: Minimal Activity Observed / F. V. Pabian, J. Liu, J. Town [EHlektronnyj dokument] // 38 North. URL <https://www.38north.org/2019/08/yongbyon080219/> (Data obrashheniya: 23.08.2019).
13. Resolution 1718 (2006), Adopted by the Security Council at its 5551st Meeting, on 14 October 2006 [EHlektronnyj dokument] // United Nations Security Council. URL [https://undocs.org/S/RES/1718\(2006\)](https://undocs.org/S/RES/1718(2006)) (Data obrashheniya: 21.08.2019)
14. Safeguards Agreements [EHlektronnyj dokument] // International Atomic Energy Agency. URL <https://www.iaea.org/topics/safeguards-agreements> (Data obrashheniya: 21.08.2019).
15. Samore G. How Significant is the Dismantlement of Yongbyon? [EHlektronnyj dokument] // 38 North. URL <https://www.38north.org/2019/03/gsamore031119/> (Data obrashheniya: 23.08.2019).
16. State of the Union Address: George W. Bush (January 29, 2002) [EHlektronnyj dokument] // Infoplease. URL <https://www.infoplease.com/homework-help/us-documents/state-union-address-george-w-bush-january-29-2002> (Data obrashheniya: 31.08.2019).
17. The Text of the Agreement of 20 July 1977 between the Agency and the Democratic People's Republic of Korea for the Application of Safeguards in Respect of a Research Reactor Facility [EHlektronnyj dokument] // International Atomic Energy Agency. URL <https://www.iaea.org/sites/default/files/publications/documents/infcircs/1977/infirc252.pdf> (Data obrashheniya: 22.08.2019).